

*Е.Н. Петухов***Размышления о субъектах стороны обвинения
в современном уголовном процессе России***E.N. Petukhov***Reflections about Subjects of the Prosecution
in Modern Criminal Trial in Russia**

Статья посвящена интересам и правовому статусу основных субъектов стороны обвинения. Обосновывается вывод об их самостоятельной функциональности в современном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальная функция, сторона обвинения, субъекты уголовного процесса.

The article is devoted to interests and legal status of the basic subjects of prosecution in which the conclusion about their independent functionality in modern criminal legal proceedings is proved.

Key words: criminal trial, criminal function, prosecution, subjects of criminal trial.

Размышления о стороне обвинения и субъектах, входящих в круг данной стороны, которые осуществляют обвинение по уголовному делу, следует начать с вопроса, касающегося понимания основных направлений деятельности данных субъектов, т.е. их функций.

Термин «функция», согласно словарю русского языка, означает: работу, производимую органом, организмом; роль, значение чего-либо; обязанность, круг деятельности [1, с. 746]. Наблюдаемое смысловое различие между данными значениями приводит ученых-процессуалистов к многообразию точек зрения о функциях уголовного процесса.

Для определенности в данном вопросе обратимся к мнению классиков процессуальной науки. Достаточно правильное, но, на наш взгляд, слишком общее определение функций в уголовном процессе сформулировал М.С. Строгович. Под уголовно-процессуальными функциями он понимал «отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 188]. Для наших же рассуждений более приемлемым является взгляд П.С. Элькинд, которая, отталкиваясь от деятельности конкретных участников уголовного судопроизводства, а не как М.С. Строгович от уголовно-процессуальной деятельности вообще, толкует уголовно-процессуальную функцию как определяемую нормами права и выраженную в соответствующем направлении уголовно-процессуальную деятельность, которая обусловлена специальным назначением и ролью ее участников [3, с. 54]. Подход, предлагаемый П.С. Элькинд, позволяет говорить о функциях более конкретно, содержащих, с учетом деятельности каждого субъекта стороны обвинения.

Из анализа положения, закрепленного в ч. 2 ст. 15 УПК РФ, следует, что законодатель определил для современного российского состязательного уголовного судопроизводства только три функции: обвинение, защиту и разрешение дела по существу, в соответствии с которыми законодателем также предложено распределить участников уголовного процесса на три основные группы: сторона обвинения, сторона защиты и субъекты, разрешающие дело по существу. Однако закрепленная таким образом концепция функций уголовного процесса позволяет уяснить только принцип состязательности сторон и не разрешает проблему количества процессуальных функций, так как наблюдается упрощенный и схематичный подход к пониманию уголовного процесса в целом, который, бесспорно, гораздо разнообразнее и сложнее.

Учитывая вышеизложенное, следует внимательно разобраться в функциональности каждого субъекта уголовного процесса и уже с учетом его места и роли в уголовно-процессуальной деятельности (исходя из его статуса и интересов) сделать вывод о его вхождении в одну из групп субъектов уголовного процесса, которые соответственно выполняют одну из трех основных уголовно-процессуальных функций, либо о его самостоятельности как стороны и в плане выполняемой им функции. В нашем случае такими субъектами выступают участники, объединенные понятием «сторона обвинения».

Приведем свои доводы относительно того, что многим субъектам, включенным законодателем в сторону обвинения, особенно потерпевшему, данная сторона чужда и функция обвинения не свойственна.

Сторона обвинения — это субъекты, которые противостоят обвиняемому, подсудимому, поддерживают

обвинение и которые, соответственно, имеют равные права с обвиняемым, подсудимым. Это субъекты, имеющие право на «мечь» (от имени государства, за невыполнение установленных им правил поведения).

Выполнение функции обвинения порождает обязанность субъекта этой стороны обосновать обвинение в соответствии с установленными обстоятельствами. Потерпевший никакие обстоятельства не устанавливает и, соответственно, обвинение не формулирует и не обосновывает, он этого и делать-то не умеет.

Функция обвинения начинает формироваться, когда раскрывается преступление, изобличается виновный и формулируется официальное обвинение в виде постановления о привлечении в качестве обвиняемого или составления обвинительного акта. Потерпевший не раскрывает преступление, не выявляет виновного и тем более не выносит соответствующих актов о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Обвинитель должен собирать и представлять в суд обвинительные доказательства. Потерпевший ничего не должен в этом плане делать.

Субъекты стороны обвинения оспаривают доводы защиты, т.е. противостоят ей. Потерпевший не в силах противостоят: нет знаний, нет помощника-юриста, да ему этого и не нужно. У него другая цель – вернуть свое и восстановить его нарушенное преступлением право.

Сторона обвинения обязана также устанавливать оправдывающие и смягчающие вину обстоятельства, т.е. действовать с учетом всех обстоятельств, которые имеют значение для вины и ответственности с точки зрения уголовного закона. Потерпевший, во-первых, не знает закон, во-вторых, устанавливать данные обстоятельства противоречит его интересам.

Сторона обвинения своей деятельностью также обязана преследовать цель – убедить граждан в неотвратимости ответственности за каждое совершенное преступление, чтобы ни одно лицо, его совершившее, не избежало установленной законом ответственности. Потерпевшему это совершенно не нужно, он, наоборот, склонен к тому, чтобы его никто не видел и не слышал. В большей степени он даже и не желает, чтобы его обидчика посадили в тюрьму, так как думает, даже боится, что последний выйдет и отомстит. Его интерес, еще раз подчеркнем, состоит в том, чтобы восстановили его нарушенные права.

Сторона обвинения (ее субъекты), выполняя функцию обвинения, обязаны совершать процессуальные действия, направленные на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему справедливого наказания. Прокурор в полной мере выполняет возложенную на него данную обязанность, а потерпевший только лишь может выступать инициатором постановки перед судом вопроса о ви-

новности. Что касается дел частного обвинения, где потерпевший выступает в роли частного обвинителя, то мы полагаем, что по данной категории дел тоже должен всегда поддерживать обвинение прокурор. Наша позиция в данном вопросе основывается на том, что в 50% случаев подачи заявления в суд пострадавшими по делам частного обвинения они обращаются за помощью собрать доказательства к суду. Суд же, исходя из его роли «объективного арбитра» в уголовном процессе, не должен отходить от возложенной на него функции осуществления правосудия – разрешения дела по существу, оказывая помощь какой-либо стороне (в данном случае речь идет о потерпевшем как стороне обвинения). Если бы потерпевший не был включен в сторону обвинения, то описанной коллизии бы не возникало. На наш взгляд, должна быть одна процедура, при которой обвиняет на профессиональном уровне только прокурор, а потерпевший реализует право на судебную защиту, желая восстановить свои законные права. Потерпевший должен находиться в роли ждущего результатов деятельности прокурора по отстаиванию его интересов через поддержание уголовного иска в суде.

Функция обвинения для ее реализации не должна вручаться дилетантам (например потерпевшему, хотя он имеет право высказать свое мнение и суд его должен услышать). В Российском государстве это есть обязанность государственных органов прокуратуры. Исторически все функции осуществлялись специальными субъектами. Потерпевшего нельзя отнести к специальному субъекту, он обыкновенный гражданин.

Кроме того, каждый из субъектов уголовного процесса со стороны обвинения имеет самостоятельный процессуальный статус (каждому из них посвящена отдельная норма в уголовно-процессуальном законе), никто из них не должен доминировать над другими, т.е. права одного не должны поглощаться полномочиями другого. Мы же видим такую действительность, которая определена в действующем уголовно-процессуальном законе, когда полномочия прокурора поглощают права других субъектов стороны обвинения. Например, отказ прокурора от дальнейшего поддержания обвинения по делу, который участвует в уголовном деле в качестве государственного обвинителя, ведет к прекращению уголовного судопроизводства, что нарушает права других субъектов стороны обвинения, в первую очередь потерпевшего, гражданского истца, а затем также и представителей органов расследования. В результате этого их роль, определенная законом, как обвинителей принижается, так как вообще становится бессмысленной, своего интереса в уголовном судопроизводстве они не достигают. Как верно замечает по этому поводу в одной из своих работ А.С. Александров, указанные субъекты «в руках прокурора рабы».

При этом самым незащищенным при указанном подходе становится потерпевший, так как его права могут поглощаться не только полномочиями прокурора в описанном выше случае, но и полномочиями других субъектов стороны обвинения, например представителями органов расследования, когда они принимают решение о прекращении уголовного дела либо еще ранее вообще об отказе в возбуждении уголовного дела (исключение составляет основание, содержащееся в п. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием события преступления). Тем самым попираются права потерпевшего, как уже было выше отмечено, не только на восстановление нарушенных прав совершенным противоправным деянием, но даже на попытку судебной защиты своих прав.

Еще И.Я. Фойницкий в XIX в. подметил, что в такой ситуации возникает монополия прокуратуры относительно доступа к судебной защите. Чтобы все же права потерпевшего от преступления получили судебную охрану, следует согласиться с его актуальным и для современного уголовного судопроизводства предложением о предоставлении частным лицам параллельного с прокуратурой права уголовного обвинения [4, с. 81], как это было по австрийскому Уставу уголовного судопроизводства. Потерпевший наделяется статусом частноучастствующего и дополняет или даже заменяет государственного обвинителя, отстаивая при этом свои частные интересы, а не публичные.

Чтобы данная проблема не возникала сегодня, следует подойти к ее решению, как уже было выше отмечено, исходя из интересов, роли и цели каждого персонально указанного участника. Это должно привести к установлению их самостоятельной функции в уголовном судопроизводстве и вывести их из стороны обвинения, возможно, определив для ряда из них или даже для каждого статус самостоятельной стороны (см. об этом: [5, с. 184]).

В этой связи еще раз подчеркнем, что исторически право на уголовное преследование от имени государства принадлежало специальным органам этого государства – это была их должностная функция.

Как видим, потерпевший к таким органам не имеет никакого отношения. Верно отмечал И.Я. Фойницкий, что если все же включать его в круг субъектов стороны обвинения, то далеко не каждому уголовному делу может найтись потерпевший, способный возбудить уголовное преследование и вести его перед судом, для этого требуются и свободное время, и имущественные средства, и желание быть обвинителем [4, с. 73]. Со своей стороны добавим, что еще необходимы знания и опыт.

Кроме того, подчеркнем, что, в отличие от прокурора, потерпевший – не должностное лицо государства, и поэтому не должен обеспечивать законность. Он не должен сосредотачивать в своих руках обвинение как

обязанность по службе, не должен обличать перед судом всякое нарушение уголовного закона. Потерпевший, в отличие от прокурора, не есть исключительная инстанция, на которую возложена обязанность оценить достаточность (или недостаточность) доказательств для утверждения обвинительного заключения (акта) и тем самым выдвижения обвинения. А еще ранее, при проверке законности приема и разрешения сообщений о преступлениях правоохранительными органами, он должен дать заключение о законности выдвинутого (или отказанного) уголовного преследования.

Исходя из обозначенного нами подхода, касающегося круга субъектов, наполняющих собой сторону обвинения, в современном российском уголовном судопроизводстве ее должны составлять прокурор и, с большой оговоркой, органы расследования, которые, согласно ст. 5 УПК РФ, участвуют в изобличении лица в совершении преступления, т.е. выполняют уголовное преследование и тем самым участвуют в реализации функции обвинения, хотя и их можно исключить, если исходить из определения стороны и ее месте в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. Они вообще не будут представлять какую-либо сторону, так как стороны – это все-таки субъекты судебного разбирательства (ч. 2 ст. 15 УПК РФ), а органы расследования по действующему законодательству не участвуют в нем в качестве таковых субъектов. Начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и последующих уголовно-процессуальных кодексов советского периода 1922, 1923 и 1960 гг., а в настоящее время и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе 2001 г. – нигде не говорится об участии сторон в предварительном расследовании. Относительно данных субъектов не будем больше приводить доводов о том, что они не являются стороной обвинения, так как это уже достаточно убедительно сделали до нас авторитетные советские и российские ученые. Среди последних относительно функциональности следователя в уголовном судопроизводстве такое обоснование сделал В.А. Азаров, верно предложив определить ему самостоятельную функцию предварительного расследования (см. об этом подробнее: [6]).

Потерпевший и гражданский истец, на наш взгляд, выполняя функцию восстановления нарушенных прав, должны быть исключены из участников стороны обвинения и составлять самостоятельную сторону, например дополнительную. Обоснование своей точки зрения об объединении данных субъектов в одну сторону мы находим и в работах Г. Фельдштейна, который стоял на разделяемой нами позиции, утверждая о том, что потерпевший не выступает в суде в качестве обвинителя, а в большей степени это гражданский истец [7].

В этом смысле правильно в дореволюционной России ученые-процессуалисты Н. Розин,

Г. Фельдштейн и другие, являющиеся сторонниками немецкой теории процесса как юридического отношения, выдвигали положение, характеризующее сущность уголовного судопроизводства XIX в., которое в большей части отвечает и определенному в действующем уголовно-процессуальном законе (ст. 6 УПК РФ) его назначению: уголовный процесс есть юридическое отношение, имеющее целью

осуществление карательного права государства, или решение правового спора. Здесь мы и видим налицо функцию прокуратуры, которая, обвиняя, выдвигает публичное требование государства к личности о его наказании и функцию частного лица о представлении своих интересов, нарушенных ответчиком-обвиняемым, реально установленным либо нет, и их восстановлении.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка и фразеологических выражений. – 2-е изд. доп. – М., 1986.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. – М., 1968. – Т. 1.
3. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л., 1963.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – СПб., 1996. – Т. 1.

5. Трубникова Т.В. Потерпевший: участник, действующий на стороне обвинения, или самостоятельная сторона? // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. – Ч. 47. – Томск, 2010.
6. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. – Омск, 2006.
7. Фельдштейн Г. Лекции по уголовному судопроизводству. – М., 1915.